

УДК 330.101, 338.12, 338.124.4

ИДЕЙНОЕ ОПРАВДАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ Б. ОБАМЫ

© 2012 г. **Е.А. Роговский, В.С. Васильев***
Институт США и Канады РАН, Москва

В статье анализируются ключевые положения новой книги лауреата Нобелевской премии по экономике П. Кругмана «Немедленно покончить с депрессией!» (End This Depression Now!), которая, по сути, является предвыборным манифестом Б. Обамы и в которой доказывается необходимость продолжения экономического курса, начатого Соединёнными Штатами в 2009 г. В противном случае, как полагает Кругман, США, да и весь остальной мир, ждёт длительный период экономических отношений каменного века.

Ключевые слова: депрессия, экономическая политика Б. Обамы, безработица, кейнсианство, монетарные теории.

Новая книга лауреата Нобелевской премии по экономике профессора Принстонского университета Пола Кругмана [19] вышла в свет в феврале 2012 г., за девять месяцев до президентских выборов в США. Адресована эта книга не только американскому академическому сообществу, но и всем избирателям, в основном так называемым «независимым», которые принимают окончательное решение о том, за кандидата какой партии – Демократической или Республиканской – они проголосуют, только в самый канун президентских выборов. Для переваривания избирателями тезисов автора и «созревания» серьёзных выводов времени было достаточно.

Сегодня П. Кругман (наряду, возможно, с профессором Колумбийского университета Дж. Стиглицем) является самым видным экономическим идеологом либеральных сил США, последовательно выступающим за усиление государственного вмешательства в соответствии с теорией кейнсианства**. В 2008 г. П. Кругман горячо приветствовал приход к власти демократической администрации Б. Обамы и с тех пор является последовательным защитником и проповедником проводимой ею экономической политики. Более того, П. Кругман выступает в роли неофициального экономического советника администрации Оба-

* РОГОВСКИЙ Евгений Александрович – кандидат экономических наук, Руководитель Центра военно-промышленной политики ИСКРАН. E-mail: Rogowsky@mail.ru; ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич – доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИСКРАН. E-mail: vsvasiliev@mail.ru

** Политические аспекты современной американской экономической науки подробно освещены в статье В.С. Васильева [1].

мы (свой блог «Совесть либерала» в электронной версии газеты «Нью-Йорк таймс» Кругман превратил в «сайт наставлений для Белого дома»)*.

Вышесказанное позволяет воспринимать данную книгу как своего рода предвыборный экономический манифест Демократической партии США.

Основная причина, побудившая Пола Кругмана написать эту книгу, – у кандидата Республиканской партии М. Ромни «есть достаточно хороший шанс завоевания Конгресса и Белого дома на президентских выборах в конце года» [19, р. 19].

Кругман посчитал нужным указать администрации Обамы на её ошибки, которые к началу президентской кампании породили в американском обществе устойчивое представление о том, что по главному направлению своей внутриполитической деятельности – улучшению экономического положения страны в ходе текущего кризиса – администрация и лично президент со своими обязанностями явно не справляются**.

Главная ошибка состояла в том, что Б. Обама был недостаточно настойчив в реализации целей своей экономической политики, в частности, в *отстаивании мер по стимулированию занятости*. В этой связи П. Кругман пишет: «В настоящее время мы располагаем определённым объёмом служебной документации, дающей представление о внутреннем механизме принятия решений администрацией в период с 2009 по 2011 г., и всё говорит, что политические советники президента настаивали на том, чтобы он никогда не добивался от Конгресса реализации мер, на которые он не получил бы одобрения американских законодателей, из опасения, что тогда он выглядел бы слабым президентом в глазах общественного мнения» [19, р. 228].

Уже в самом начале книги, словно бросая упрёк президенту, Кругман указывает, что «с сугубо экономической точки зрения переживаемый кризис не является почти неразрешимым; мы могли бы быстро и мощно восстановить экономику при наличии интеллектуальной ясности и политической воли» [19, р. 24]. Кругман критикует Обаму за недостаточность публичной защиты Белым домом идейных основ проводимой им неокейнсианской политики. Более того, будучи идеологом кейнсианства, Кругман достаточно жёстко *противопоставляет кейнсианство постулатам свободного рынка*, следование которым в конечном итоге и обернулось экономической катастрофой 2008 г. Именно в этом суть настоящей книги, именно этим определяется её актуальность и большое политическое значение.

* В конце апреля 2009 г. П. Кругман и Дж. Стиглиц неофициально встретились с Б. Обамой в Белом доме, убеждая его, в частности, в том, чтобы администрация «более активно вмешивалась в дела банковского сектора» [25]. Вполне возможно, что при выработке всех ключевых решений экономической политики члены администрации Обамы советовались с П. Кругманом.

** Об этом свидетельствуют данные опросов, регулярно проводимых компанией «Эй-би-си ньюз» и газетой «Вашингтон пост» относительно того, насколько удачно справляется Б. Обама с экономическими проблемами страны. Если в начале 2009 г. его экономическую политику одобряли 60% и не одобряли 34% опрошенных, то к концу 2009 г. доли одобрявших и не одобрявших стали примерно одинаковыми (на уровне около 50%); с середины 2010 г. доля противников экономической политики Б. Обамы стала устойчиво превышать долю его сторонников, и в мае 2012 г. соотношение составило 55%: 42%, держась на этом примерном уровне на всём протяжении первой половины 2012 г. [22].

Судьбоносные выборы

Политические комментаторы и американские СМИ склонны преподносить очередные президентские выборы в США как «судьбоносные», которые, затрагивая идейные основы внутренней и внешней политики страны, могут их в корне изменить.

В этой связи уместно вспомнить, что на вероятную смену в 2012 г. политики США указывает теория циклического развития американских политических процессов, предложенная в середине 1980-х годов видным американским историком А. Шлезингером-мл. (1917–2007 гг.). В фундаментальной работе «Циклы американской истории» он обосновал закономерность смены в американской политической жизни либеральных и консервативных фаз или циклов длительностью 30–33 года (см. таблицу).

Шлезингер особо подчёркивал, что причину самовоспроизводящихся циклических изменений либеральных и консервативных политических режимов в США следует искать в их «внутренней природе». Каждая новая фаза выростала из противоречий, присущих предыдущей фазе, подготавливавшей условия для очередного поворота. Война, депрессия, инфляция могут усложнять общую картину настроений в обществе, вызывать ажиотаж и даже панику, но политический цикл имеет автономный самодостаточный характер и продолжает раскручиваться, даже независимо от такого «мощного по воздействию фактора, как экономический цикл» [4].

Таблица

**Циклическая смена либеральных и консервативных фаз
в политической жизни США в XX – начале XXI века**

Либеральные политические фазы	Консервативные политические фазы
1901–1919 гг.	1919–1931 гг.
1931–1947 гг.	1947–1961 гг.
1961–1978 гг.	1978–1993 гг.
1993–2012 гг. (?)	2012–2028 гг. (прогноз)

Наблюдаемую на протяжении XX – начала XXI века закономерность смены 30–33-летних «либеральных и консервативных волн» можно использовать и для прогнозирования исхода предстоящих президентских выборов. В самом деле, если вернуться от 2012 г. на 30–33 года назад, то мы окажемся на рубеже 1970-х –1980-х годов. А как указывает Кругман, в 1980 г. закончился «долгий период сравнительной стабильности и отсутствия финансовых кризисов и в том году Рональд Рейган был избран президентом США, обозначив драматический разворот вправо в американской политике» [19, р. 60].

Собственно, именно возвращения республиканской волны больше всего опасается Кругман, указывая на существующие в настоящее время в США предпосылки для резкого праворадикального разворота во внутренней и внешней политике. При этом он отмечает, что после 1980 г. параллельно со стремительным ростом доходов элиты американского общества Республиканская партия стала резко смещаться вправо [19, р. 19].

Кругман констатирует, что «на протяжении первых 30-ти лет после окончания Второй мировой войны, которые были отмечены относительно равномерным распределением доходов, в США существовала, по сути, система над-

партийного консенсуса, в рамках которой влиятельным группам центристских политиков из обеих партий удавалось согласовывать принимаемые решения». По нашему мнению, такого рода консенсус во многом был обусловлен общностью взглядов на процесс чрезмерной либерализации банковской системы США, в частности, на отсутствие ограничений между депозитарным и инвестиционными банками, на быстрое развитие «теневого банкинга», на всё то, что Кругман называет «политической системой, ориентированной на деньги». 30 лет назад ничего этого не было [19, р. 63].

Разразившийся в 2008 г. финансовый кризис чрезвычайно затруднил дальнейшую либерализацию финансово-банковской системы США, что и подорвало основу для консенсуса элит. Более того, депрессия, поразившая американскую экономику, стала мощным катализатором радикализации Республиканской партии [19, р. 19]. Отталкиваясь от исследования политологов К. Пулаи и Г. Розенталя, которые считают, что в настоящее время в США уровень политической поляризации Республиканской и Демократической партий является максимальным [16], П. Кругман приходит к выводу, что сейчас «политические компромиссы между республиканцами и демократами стали практически невозможными» [19, р. 89].

В США действует правило: «голосуют доллары», а поскольку к президентским выборам 2012 г. крупный бизнес в США подходит с твёрдым убеждением, что «в Белом доме сидит социалист» [19, р. 26], то победить на предстоящих выборах последний сможет только в том случае, если большинство избирателей проголосует против большого бизнеса, а конкретнее – против больших денег.

Решения проблемы труда – война и полицейское государство

Пол Кругман является одним из немногих влиятельных американских экономистов, которые убеждены, что в настоящее время как американская, так и мировая экономики в целом находятся в состоянии хронической депрессии, сопоставимой с «Великой депрессией» 1930-х годов, о чём он недвусмысленно заявляет в самом начале своей работы [19, р. 34]. Он считает, что сейчас США столкнулись примерно с той же самой ситуацией, которую в 1930-х годах описывал Джон Мейнард Кейнс: «Хроническое состояние подавленной экономической активности в течение значительного периода времени без каких-либо признаков движения, как в направлении экономического подъёма, так и к полному экономическому краху» [19, р. 34]. Поэтому самым важным экономическим показателем, характеризующим современную ситуацию («мировую депрессию – 2.0»), Кругман считает высокую, невиданную со времён 1930-х годов массовую безработицу, как в США, так и большинстве других промышленно развитых странах мира*. Он даже посвятил эту книгу безработным, заслуживающим, по его словам, «лучшей участи».

Официальная американская статистика говорит о том, что в первой половине 2012 г. норма безработицы в США составляла 8,2%, т.е. безработных было

* По сравнению с докризисным периодом, в настоящее время армия безработных во всем мире выросла более чем на 50 млн. человек. В 2012 г. во всем мире насчитывалось 202 млн. безработных, а к 2016 г. их число возрастёт, как минимум, до 216 млн. человек, поскольку за это время на рынок труда должны прийти ещё 80 млн. юношей и девушек [29].

около 13 млн. человек. Соответственно, в 2009–2011 гг. число занятых в американской экономике стабильно составляло 139–140 млн. человек, т.е. находилось примерно на уровне 2004 г. Максимальной занятости американская экономика достигла в 2007 г., когда количество занятых несколько превысило отметку 146 млн. человек [24]. Кругман также указывает на то, что в реальной жизни, в условиях определённой «эластичности» рынка труда, потеря основной работы может компенсироваться частичной занятостью, которая, правда, нередко предполагает потерю квалификационных навыков, а также психологические стрессы. Общее количество официально зарегистрированных безработных и частично занятых, т.е. полубезработных, достигает в США примерно 24 млн. человек, или 15% общей численности рабочей силы, что в 2 раза «превышает докризисный показатель» [19, р. 8].

В настоящее время проблема с занятостью и безработицей в США обострилась – впервые после «Великой депрессии» она превратилась *во взрывоопасную политическую проблему*, по существу став одной из центральных проблем политической жизни США. В предвыборный период проблема хронической массовой безработицы воспринимается избирателями как зримый символ неспособности общества обеспечить занятость для здоровых и трудоспособных граждан, именно она объективно поставила Америку перед необходимостью выбора дальнейших путей развития.

Кругман решительно выступает за возвращение «нормы безработицы» в США к уровню 4%*, т.е. к уровню, который в период после Второй мировой войны стал показателем так называемой «полной занятости» и был достигнут в результате реализации целенаправленной государственной политики создания рабочих мест в государственном секторе экономики, а также всемерного стимулирования бизнеса к увеличению занятости (особенно в трудоизбыточных регионах США). В тот период рост безработицы был феноменом и следствием ускорения научно-технического прогресса, быстрого перехода от одного технологического уклада к другому. С известной долей натяжки можно говорить о том, что тогда рост безработицы (высвобождение рабочей силы) был следствием «нормального» процесса адаптации её структуры к новой технологической структуре производства; причём это явление существенно смягчалось созданием многих новых рабочих мест «за государственный счёт».

К началу 2009 г., т.е. к моменту прихода в Белый дом Б. Обамы, Америка отчаянно «нуждалась в плане спасения не только финансового сектора, но и реальной экономики, т.е. возмещения потерянного производственного потенциала и рабочих мест. Но то, что получила Америка, оказалось весьма далёким от достижения этой цели» [19, р. 116].

По заключению Кругмана, поспешно разработанный в недрах администрации Обамы План американского возрождения и реинвестиций стоимостью 787 млрд. долл. явно не справился с задачей создания необходимого количества рабочих мест, и прежде всего по причине сравнительно небольшого объёма ассигнованных на эти цели средств: «Вне всякого сомнения, [план] смягчил рецессию, но оказался неспособным восстановить полную занятость в эконо-

* В настоящее время Бюро трудовой статистики США исходит из того, что экономике с «полной занятостью» отвечает норма безработицы на уровне 5,2% [24].

мике или даже создать ощущение наметившегося перелома ситуации на рынке труда. Но самое печальное состояло в том, что в сознании избирателей была полностью дискредитирована концепция использования государственных расходов для создания рабочих мест» [19, р. 117].

Казалось бы, всё ясно – необходимо резко увеличить государственные расходы для создания такого количества рабочих мест, которое существовало в американской экономике по крайней мере до начала текущего финансово-экономического кризиса. Собственного говоря, эта идея является стержневой концепцией настоящего предвыборного манифеста Кругмана. Однако даже в кейнсианском понимании такое решение проблемы хронической массовой безработицы выглядит достаточно запутанным и противоречивым (даже без учёта сопутствующих проблем хронических дефицитов федерального бюджета и стремительно растущего долга федерального правительства).

Показательно, что, выдвигая свои тезисы о восстановлении в американской экономике режима «полной занятости» (4%-ной безработицы), Кругман воздержался от собственных оценок потребности в необходимых государственных ассигнованиях и прибегнул к методу анализа исторических аналогий. Он уделил большое внимание прецеденту восстановления в США нарушенного равновесия на рынке труда на рубеже 1930–1940-х годов XX века и адресует администрации Обамы такой совет: «Тратьте как можно больше средств из государственного бюджета на создание рабочих мест – и рано или поздно в экономике восстановится режим полной занятости, как это и произошло при Ф. Рузвельте» [19, р. 219–220].

Однако увлечённость Кругмана кейнсианской теорией регулирования рынка труда в США привела к тому, что он упустил из виду важнейшее, с нашей точки зрения, положение, а именно тот факт, что в первой половине 1940-х годов Соединённым Штатам удалось решить проблему массовой безработицы исключительно на путях развития военной экономики. Но ни самому П. Кругману, ни другим американским экономистам, на работы которых он ссылается, так и не удалось найти убедительных примеров решения проблемы хронической массовой безработицы в условиях мирного времени и в рамках гражданской экономики*.

Поэтому, стремясь «любой ценой» доказать эффективность увеличения государственных расходов по стимулированию занятости и «рассасыванию» массовой безработицы, Кругман допускает явные и очевидные передержки. Так, обращаясь к американскому опыту борьбы с безработицей на рубеже 1930–1940-х годов, он, в частности, указывает, что «с чисто экономической точки зрения проблему безработицы не так трудно решить, и в принципе это не займёт долгого времени. Между 1939 и 1941 гг., т.е. ещё до нападения на Пёрл-Харбор и официального вступления США в войну, резкий рост расходов федеральных расходов привёл к увеличению числа рабочих мест в экономике на 7%, что эквивалентно увеличению занятости на 10 млн. человек в наше время» [19, р. 209].

Этой исторической аналогии можно было бы поверить, если не знать, что уже спустя неделю после начала Второй мировой войны 1 сентября 1939 г.

* Здесь невозможно ограничиться только государственными инвестициями, но сегодня, когда либерализация финансового сектора зашла слишком далеко, а глобальный рынок открыт, бизнесу стало просто невыгодно вкладывать капиталы в создание новых рабочих мест на территории США.

президент Ф. Рузвельт подписал знаменитый Указ № 8248 о мобилизационной подготовке США к началу полномасштабных военных действий. В соответствии с этим указом в составе Исполнительного управления при президенте США было создано Управление по планированию национальных ресурсов, задачей которого ставилось максимальное расширение системы общественных работ как формы мобилизации человеческих ресурсов на случай возникновения «чрезвычайной ситуации или угрозы чрезвычайной ситуации» [10], т.е. в случае вовлечения США в войну. Фактически Ф. Рузвельт использовал систему общественных работ как форму мобилизации резервистов для службы в вооружённых силах США, которые после 7 декабря 1941 г. просто сменили робы разнорабочих на военную униформу. Вот как на деле выглядит американский опыт борьбы с массовой безработицей «по рецептам Кейнса», помноженным на «рузвельтовскую решимость». Вот чего, оказывается, не хватало Б. Обаме в течение первых трёх лет его пребывания у власти; вот, оказывается, к чему сводится рекомендация «быть агрессивным и смело идти на эксперименты – короче, делать всё необходимое для того, чтобы вновь привести страну в движение» [19, р. 217].

В этой связи необходимо особо подчеркнуть, что Б. Обама, похоже, рекомендации Кругмана воспринял и в марте 2012 г. подписал Указ о мобилизационной готовности оборонных ресурсов (в том числе трудовых!) [11]*.

Систематическое обобщение всех новейших работ американских авторов о воздействии фискальной политики на занятость и безработицу выявило феномен «естественных экспериментов», т.е. войн и периодов наращивания военной мощи, которые и явились самыми эффективными средствами борьбы с массовой безработицей, что неохотно был вынужден признать и сам Кругман, указав на то, что, «к сожалению, США в настоящее время не могут провести такой хороший и чёткий эксперимент, каким оказалась Вторая мировая война» [19, р. 215].

Новейшие попытки американских исследователей выявить максимально возможный мультипликативный эффект конкретных видов государственных расходов или государственных программ, т.е. максимально возможную экономическую отдачу от одного доллара государственных стимулирующих расходов, показал, что максимально возможный мультипликативный эффект, равный 1,5, был достигнут в середине 1980-х годов в десяти штатах, в наибольшей степени задействованных в реализации военных программ администрации Рейгана, в первую очередь в Калифорнии, Техасе и Массачусетсе [21].

Таким образом, большие увеличения государственных расходов, к чему призывает Кругман, действительно существенно влияют на занятость и безработицу, однако «программы больших государственных расходов редко принимаются, за исключением военного времени или угрозы начала войны» [19, р. 236-237].

Постоянное апеллирование П. Кругмана к опыту и условиям 1930–1940-х годов, справедливое в отношении США, тем не менее не учитывает важнейшей специфики того периода – раскола мира на противостоящие социально-экономические системы, ряд которых являли собой действенный пример более или менее успешного решения проблемы занятости и безработицы. *В настоя-*

* Подробнее см. статью Е.А. Роговского, В.С. Васильева [2].

щее время в условиях, когда капитализм превратился в единственную «безальтернативную» социально-экономическую и политическую систему, во всяком случае, для США и европейских стран, возможно и иное решение проблемы массовой безработицы, которое наглядно продемонстрировали республиканцы в Конгрессе США, когда «единым фронтом» осенью 2011 г. выступили против плана Обамы по стимулированию занятости общей стоимостью в 447 млрд. долл. [8].

Судя по всему, республиканцы считают, что бороться с массовой безработицей не нужно. Большая резервная армия труда всегда выступала важнейшим фактором давления на реальную заработную плату в сторону её понижения. В современных условиях глобальный капитализм заинтересован в «эффективных» рыночных инструментах, если не сокращения, то, по крайней мере, стабилизации реальной заработной платы и должностных окладов основной массы рабочих и служащих, с одной стороны, и наращивания бонусов для руководителей бизнеса, – с другой.

Фактом непреложного значения является то обстоятельство, что в ходе текущего финансово-экономического кризиса произошла стабилизация реальных трудовых доходов американских рабочих и служащих, и даже их падение. Так, средняя почасовая оплата труда (в постоянных ценах 1982–1984 гг.) в период с 2009 по 2011 г. снизилась с 8,89 долл. в час до 8,77 долл. в час, а средняя недельная оплата труда фактически стабилизировалась на уровне примерно 294,5 долл. [9]. В первой половине 2012 г. ситуация мало изменилась по сравнению с концом 2011 года.

Собственно, в этом и состоит современная альтернатива кейнсианству, которую могут использовать правоконсервативные силы, в случае их прихода к власти в США, о чём и предупреждает П. Кругман: «И в настоящее время нередко слышны голоса тех, кто говорит о том, что мы больше всего нуждаемся в “гибкости” рынка труда – эвфемизм, придуманный для маскировки снижения заработной платы» [19, р. 52].

Однако сохранение в течение длительного времени состояния хронической массовой безработицы ради стабилизации и/или снижения реальных трудовых доходов основной массы занятых по найму требует кардинального изменения политического режима. И Кругман допускает возможность кардинального изменения механизма функционирования институтов американской демократии, которые ещё до недавнего времени казались абсолютно неизменными*. «Великая депрессия», подчёркивает он, «имела конечные издержки, которые значительно превосходили экономические потери или даже страдания, обусловленные массовой безработицей. Депрессия принесла с собой также катастрофические политические изменения. Сегодня по инерции приход Гитлера к власти связывают с немецкой гиперинфляцией 1923 г., но на самом деле он оказался у власти в Германии в результате депрессии начала 1930-х годов,

* Контуры полицейского государства, «нацеленного» на борьбу с терроризмом, отчётливо проступили в США к концу пребывания у власти администрации Дж. Буша-мл. (2001–2009 гг.), что было документально зафиксировано в специальном 500-страничном докладе, подготовленном по линии Юридического комитета Палаты представителей Конгресса США под самый занавес пребывания президента-республиканца у власти в январе 2009 г. [28].

которая была даже более суровой, чем в остальных европейских странах вследствие дефляционной политики канцлера Генриха Брюнинга» [19, р. 19]; говоря иными словами, вследствие политики систематического снижения заработной платы.

На вопрос о том, возможно ли аналогичное повторение событий 1930-х годов в наше время, Кругман отвечает: «Трудно себе представить, чтобы нечто подобное случилось в XXI веке. Однако было бы неправильно минимизировать опасность влияния продолжительных экономических кризисов на систему демократических ценностей и институтов. Мы являемся свидетелями мощного роста экстремистской политики в странах Запада: радикальных антииммигрантских движений, радикальных националистических движений и стремительного нарастания авторитарных настроений» [19, р. 19]*.

Американская экономика на «капельнице»

Одно из наиболее серьёзных обвинений, брошенных Кругманом в адрес администрации Обамы, сводится к тому, что после промежуточных выборов 2010 г., в ходе которых демократы потеряли контроль над Палатой представителей Конгресса США, «фокус большей части политических дебатов в Вашингтоне сместился с проблемы безработицы к проблемам долга и дефицита федерального бюджета» [19, р. 131]. Надо прямо признать, что в отношении этих проблем Кругман занял весьма легковесную позицию, призывая администрацию и президента не обращать на них большого внимания. Он пишет: «Ущерб, наносимый отсутствием рабочих мест, является вполне реальным и серьёзным, а ущерб от хронических дефицитов для экономики такой страны как Америка в её нынешнем положении является, по большей части, гипотетическим. В количественном плане бремя долговой зависимости является гораздо меньшим, чем можно судить на основании сопровождающей её истерии, а предупреждения о надвигающемся неизбежном долговом кризисе вообще ни на чём не основаны» [19, р. 131].

Смысл дальнейших рассуждений Кругмана на эту тему сводится к двум тезисам: 1) «США – не Греция», и 2) сейчас у США есть возможность не платить по своим долгам, расплатиться можно потом, как это было сделано после окончания Второй мировой войны, когда соотношение валового долга феде-

* Иногда события символического плана дают лучшее представление о направленности политических процессов, нежели многотомные исследования экономистов, социологов и политологов. В марте 2011 г. в штате Мэн разразился политический скандал «местного значения», вызванный решением губернатора-республиканца П. Лепейджа демонтировать фреску в холле здания штатного Министерства труда с изображением легендарного министра труда в администрации Рузвельта Ф. Перкинс, которая занимала эту должность с 1933 по 1945 г. Ф. Перкинс стала первой в истории США женщиной-министром и как уроженка штата вплоть до самого последнего времени считалась «своеобразной иконой» служения общественным интересам и отстаивания прав трудящихся для жителей штата. Демонтаж фрески, установленной в здании в 2009 г., губернатор объяснил тем, что бизнесменов, посещающих Министерство труда, эта фреска сильно раздражает; помимо этого, он получил обращение одного из граждан, в котором говорилось, что эта фреска «напоминает ему коммунистическую Северную Корею, где фрески подобного рода используются для промывания массам мозгов» [11].

рального правительства к ВВП (в 1946 фин. г.) было максимальным за всю американскую историю и составляло 121,7% [19, р. 140].

При этом явно в полемическом азарте П. Кругман призвал политическое руководство страны «не расплачиваться по долгам вообще»: «Ключевой фактор, о котором надо постоянно помнить, когда речь заходит о 5 трлн. долл. долга, которые Америка накопила с начала кризиса, и о тех дополнительных триллионах долларов, которые она наверняка добавит к ним ещё, до того, как закончится этот кризис, состоит в том, что **их не надо будет выплачивать быстро или даже выплачивать вообще**» (выделено нами. – *Авт.*) [19, р. 141].

По мнению авторов данной статьи, в ходе текущего мирового финансово-экономического кризиса произошло фундаментальное изменение самого механизма функционирования рыночной экономики, в ходе которого она потеряла способность к «самогенерирующемуся» экономическому росту, и частью этого изменения является изменение отношения к проблеме хронической массовой безработицы. Что имеется в виду? Традиционная модель фискального стимулирования экономики в периоды экономических спадов базировалась на том, что оно необходимо для преодоления кризисных явлений и вывода ключевых экономических показателей на докризисные уровни, после чего действие пакета стимулирующих мер прекращается в той или иной форме и экономика с помощью рыночного механизма начинает сама двигаться по траектории устойчивого экономического роста и развития вплоть до следующей рецессии. В настоящее время можно констатировать возникновение ситуации, при которой после выхода на докризисный уровень некоторых экономических показателей (например, ВВП), механизм самостоятельного роста не включается, а экономика для своего дальнейшего развития требует «предоплаты» (дополнительных инвестиций), что и порождает дефицит федерального бюджета. И если дополнительные средства в экономику не поступают, она начинает «топтаться на месте».

Собственно говоря, эта ситуация и сложилась в экономике США к началу 2011 г. Для её понимания достаточно рассмотреть два показателя – номинированные в текущих ценах ВВП и валовой долг федерального правительства. К концу 2010 г. по показателю ВВП американская экономика вышла на уровень докризисного 2007 г.: в 2007 г. – 14,0 трлн. долл., в 2010 г. – 14,5 трлн. долл. Но (!) в 2011 г. ВВП США вырос на 567,5 млрд. долл., а валовой долг федерального правительства (т.е. величина накопленного за данный период дефицита федерального бюджета) вырос с 1 января по 31 декабря 2011 г. на 1225 млрд. долл. [26]* Таким образом, на каждый доллар взятой из федерального бюджета «предоплаты» американская экономика вернула менее 50 центов.

В начале 2012 г. ситуация ухудшилась: на увеличение валового долга федерального правительства в первом квартале, т.е. с 1 января по 31 марта 2012 г., на сумму в 356 млрд. долл. американская экономика отреагировала приростом квартального ВВП на 134,6 млрд. долл. [26]. И теперь коэффициент соотношения прироста номинального ВВП к приросту номинального валового долга федерального правительства составил всего 0,38.

В 2011 г. соотношение долга федерального правительства к ВВП США составило 103% [18]. Это как раз и отражает неуклонный рост отношения валово-

* Рассчитано по данным, приведенным в [26].

вого долга федерального правительства к ВВП, которое в середине первого десятилетия текущего столетия составляло 63–64% [14]. И если Кругман связывает окончательное преодоление американской экономикой кризисных явлений с возвращением к показателю безработицы «полной занятости», то не менее правомерным является и использование для этой цели соотношения валового долга федерального правительства к ВВП, которое должно сначала в абсолютном выражении уравниваться, а в дальнейшем прирост ВВП должен начать регулярно превышать прирост долгового бремени, что и происходило в американской экономике в период с 1946 г. по середину 1970-х годов, в течение которых соотношение сократилось до 33,6%.

Отсюда становится понятной логика политической борьбы, которая велась на протяжении всего 2011 г. вокруг повышения потолка долга федерального правительства и которая едва не закончилась техническим дефолтом США по долгам. Добившись колоссальной политической ценой увеличения от Конгресса США потолка долга федерального правительства на 2,1 трлн. долл. в результате принятия Закона о контроле над бюджетом 2 августа 2011 г., администрация Обамы по сути «проплатила» на эту сумму экономическое развитие США до начала 2013 г.* При этом она руководствовалась сугубо политическими соображениями, стремясь «любой» экономической ценой обеспечить переизбрание Обамы на второй срок. По Кругману **формула успеха на президентских выборах** для действующего главы государства чрезвычайно проста: **«Темп экономического роста в течение трёх кварталов или чуть больше перед выборами является самым главным фактором, определяющим исход выборов»** [19, р. 225]. Иными словами, если экономика будет устойчиво расти и развиваться в течение 2012 г., то можно быть более или менее уверенным в благоприятном исходе выборов. В политическом лексиконе это и называется «победой на тренде». (По мнению некоторых аналитиков, нечто подобное, только в негативном смысле, спровоцировал А. Гринспен перед выборами 1992 г.: в то время он был шефом ФРС и с помощью макроэкономических инструментов воспрепятствовал формированию предвыборного позитивного тренда, обусловив таким образом поражение действовавшего президента Дж. Буша – старшего) **.

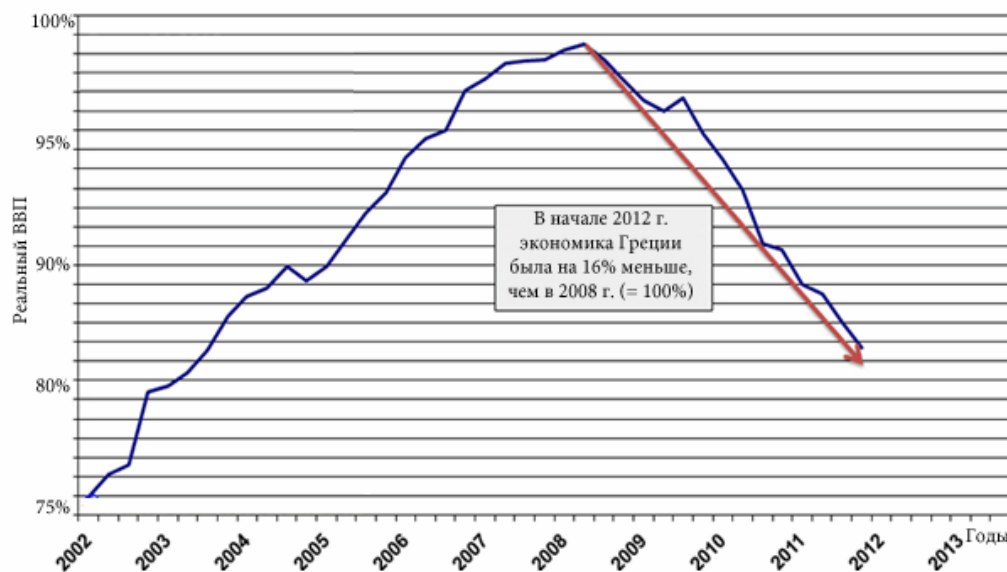
Подчеркнём специально для российского читателя – целью нынешней экономической политики США является именно «победа на тренде»; сегодня никто не собирается вытаскивать Америку из кризиса на основе широкого распространения новых технологий и стимулирования инновационного предпринимательства.

Вполне возможно, что, давая рекомендацию администрации Обамы не обращать внимание на хронические дефициты и стремительно растущий долг федерального правительства, Кругман в большей степени ориентировался именно на эту логику политической борьбы, нежели на глубокий теоретический анализ стоящих перед США сложных проблем растущей долговой зависимости.

* Аналогичной «проплатой» является политика «количественного смягчения», проводимая ФРС и предусматривающая скупку федеральных и «токсичных» ценных бумаг, принадлежащих банкам, при «нулевых процентных ставках», установленных ФРС в конце 2008 года.

** Подробнее см. рецензию В.С. Васильева и Е.А. Роговского на книгу А. Гринспена «Эра турбулентности» [3].

Последствия обрушения пирамиды государственного долга Греции



Greece Exit, Euro-Zone Collapse, Spain and Portugal Will Follow within 6 Months, May 12, 2012 (Marketoracle.co.uk2012).

Дело в том, что в настоящее время никто не знает, как должен быть разрешён текущий «кризис долгов и дефицитов». Сейчас весь мир именно потому и следит за разрешением долгового кризиса в Греции, что «греческая модель», скорее всего, будет применяться и в других странах, в том числе и в США (конечно, с известными поправками на специфику их политических и экономических особенностей).

«Америка – не Греция» – этот тезис базируется на забвении опыта прошлых экономических эпох, на что, кстати, сетует сам Кругман, который вспоминает, что «именно постепенное выветривание из памяти реалий «Великой депрессии» обернулось колоссальным ростом долговой зависимости, начиная с 1980 г. [19, р. 50]. При этом сам Кругман цитирует классическую работу «Дефляционно-долговая теория великих депрессий» американского экономиста 1920–1930-х годов И. Фишера, появившуюся в 1933 г. [19, р. 44–45], в которой тот развил теорию внезапного «обрушения пирамиды долга» как главного спускового механизма экономического кризиса 1929–1933 гг.* Тот факт, что в середине 1940-х годов пирамида долга федерального правительства не обрушилась, не является гарантией того, что эта пирамида в принципе не может внезапно обрушиться, как это произошло в начале 1930-х годов.

Классическим примером последствий обрушения пирамиды государственного долга является греческий долговой кризис. Когда кредиторы осознают,

* В своей статье И. Фишер писал: «Самым большим секретом большинства, если не всех, депрессий является один великий парадокс: **чем больше должники платят, тем больше они оказываются должны**. Как только экономическая лодка начинает крениться, так всё больше усиливается амплитуда отклонений от равновесия. Однако в результате она не восстанавливает свою устойчивость, а опрокидывается и тонет» [15].

что долги заёмщика слишком велики, они стараются уменьшить последующие транши, и таким образом замедляют экономику, вгоняя её в депрессию [19, р. 34]. В результате в начале 2012 г. ВВП Греции был на 16% меньше, чем в 2008 г. (см. схему 1).

Сегодня в любой момент главным спусковым механизмом нового финансового кризиса может стать не реальная, а иллюзорная категория – накопление на мировых финансовых рынках критической массы понимания (осознания) того факта, что США, следуя советам Кругмана, в принципе не собираются расплачиваться по своим государственным долгам и всерьёз рассчитывают на то, что эти (а также новые) долги будут сколь угодно долго перепродаваться азиатским инвесторам [19, р. 193].

В середине XX века федеральное правительство США не могло не встать на путь постепенного погашения долга по причине того, что держателями федеральных ценных бумаг выступали исключительно (можно сказать – на 100%) американские юридические и физические лица. Декларативный (или фактический) отказ Вашингтона от расплаты по федеральным долгам мог просто-напросто воспроизвести ситуацию начала 1930-х годов, о чём, естественно, в тот период помнили и экономисты, и политические деятели.

В настоящее время 46% держателей долговых обязательств федерального правительства на общую сумму свыше 10 трлн. долл. – это иностранные юридические и физические лица [14], и если они «проникнутся» идеями Нобелевского лауреата по экономике, то их реакция может быть достаточно хорошо просчитана. Именно об этом с растущей тревогой высказался недавно президент Федерального резервного банка г. Сент-Луиса Дж. Буллард (наверное, он тоже кое-что понимает в системе федеральных финансов – *Авт.*), который и выступил с призывом перестать рассуждать на тему «Америка – не Греция». В своей статье он, в частности, указал, что у многих европейских стран валовой долг превысил ВВП. «В результате эти страны, включая Грецию, Ирландию и Португалию, столкнулись с резко возросшей стоимостью обслуживания своих долговых обязательств, как только рынки стали сомневаться в их способности расплатиться по долгам». А поскольку показатель соотношения валового долга и ВВП в США стремительно приближается к аналогичной опасной черте, то в какой-то момент «рынки начнут понимать, что при таких соотношениях у страны [США. – *Авт.*] появляется мощный побудительный мотив не платить по долгам, и тогда рынки могут внезапно перестать кредитовать такую страну» [12]. Эта ситуация и представляет собой механизм внезапного обрушения долговой пирамиды по И. Фишеру*.

«Дарвиновская экономика»

Идейная защита экономической политики администрации Обамы, которая, пусть и непоследовательно, но всё-таки встала на путь усиления стимулирующей и регулирующей роли государства в экономике, естественно, не могла обойтись без острой и саркастической (или как говорили раньше – погромной) критики теории и практики рыночного фундаментализма, представленной идео-

* Известные американские экономисты К. Рейнхардт и К. Рогофф показали, что за всю историю США валовой долг федерального правительства превышал 90% ВВП только шесть лет, в 1944–1949 гг., вплоть до начала Корейской войны [23].

логами, главным образом, Чикагской школы экономики. При этом Кругман отталкивается от своей «классификации» существующих экономических школ в современных США, называя кейнсиански настроенных экономистов, работающих и преподающих в университетах на Восточном и Западном побережьях США, представителями школы «солёной воды», а экономистов, работающих в американской «глубинке» – представителями школы «пресной воды» [19, р. 101]. Надеемся, эти ассоциации понятны читателям и не требуют особого пояснения.

Кругман сам называет главную причину, побудившую его обрушиться с критикой на своих давнишних оппонентов: теория и практика усиления государственного регулирования экономики, олицетворяемая фигурой Дж. М. Кейнса, стала основой экономической идеологии Демократической партии, а рыночный фундаментализм и монетаристские концепции, представляемые фигурой М. Фридмана – идеологией Республиканской партии [19, р. 96]. Не следует думать, что эта борьба является соревнованием интеллектуалов, обладающих острым и пронизательным умом и умеющих пользоваться «солёным словом», с людьми, абсолютно пресными во всех отношениях. С приходом в 1980-е годы Р. Рейгана на экономических факультетах американских университетов началось систематическое изгнание экономистов-кейнсианцев и формирование системы запретов на преподавание макроэкономики, выдержанной в неокейнсианском духе. При этом в ход были пущены отнюдь не полицейские, а сугубо рыночные методы: факультеты, «присягнувшие на верность фридманизму-монетаризму», стали получать щедрую спонсорскую поддержку, т.е. гранты на проведение соответствующих исследований и публикацию работ, с ними заключались хорошо оплачиваемые консультативные контракты, выпускники факультетов могли рассчитывать на приём на работу в финансовые институты и крупные корпорации, и в результате американские экономисты не только «отвернулись от кейнсианских идей, но и начисто забыли усвоенные с таким трудом уроки 1930-х и 1940-х годов» [19, р. 96].

Можно говорить о том, что из сознания экономистов-рыночников полностью исчезли такие понятия, как «экономический кризис», «циклическое развитие экономики», «эксплуатация», «социально-экономическое неравенство», «анархия производственных отношений», «первоначальное накопление капитала» и многие другие, и именно по этой причине наиболее авторитетные американские экономисты и не смогли предсказать наступление мирового финансово-экономического кризиса [19, р. 92].

Какие идеи и концепции пришли им на смену? По сути, как считает Кругман, всё здание современного рыночного фундаментализма опирается на две «несущие конструкции».

Во-первых, это «гипотеза эффективных рынков», сформулированная ещё в 1960-е известным чикагским экономистом-финансистом Ю. Фамой, смысл которой сводится к тому, что *«цены на активы на финансовых рынках точно отражают их истинную стоимость при условии раскрытия всей соответствующей информации»* [19, р. 97]. В реальной экономической жизни, как указывает Кругман, это равносильно совету, чтобы главным мотором развития экономики стало казино: «Финансовые экономисты полагали, что мы *должны* отдать заботу о

развитии капитальных ресурсов страны в руки лиц, основные навыки которых в их использовании, как говорил Кейнс, получены в “казино” [19, р. 98]^{*}.

Во-вторых, это теория «реального делового цикла», согласно постулатам которой «рецессии являются рациональным и даже весьма эффективным ответом на негативные технологические шоки, происхождение которых, правда, никак не объясняется, а сокращение занятости в ходе рецессии является следствием добровольных решений работников взять отпуск до тех пор, пока не произойдёт улучшения социально-экономических условий» [19, р. 103].

Апофеозом этих теоретических наработок явилась лекция нынешнего главы Чикагской школы экономики лауреата Нобелевской премии по экономике за 1995 г. Р. Лукаса, избранного в 2003 г. президентом (на год) Американской экономической ассоциации, который заявил: «Главным тезисом моей лекции является утверждение, согласно которому становление макроэкономики, как раздела экономических знаний, полностью состоялось: её *центральная задача по предотвращению депрессий с практической точки зрения оказалась успешной разрешённой, причём на многие десятилетия вперед*» [19, р. 91].

Именно поэтому, как считает Кругман, следует относить экономистов-рыночников к представителям экономических воззрений «тёмных веков», по сути, экономистов Каменного века, выпавших из цивилизационного развития, т.е. варваров, которые более или менее твёрдо усвоили только одно «варварское понятие» – приватизацию [19, р. 92].

Но помимо упущений у работы Кругмана есть, можно даже сказать, революционное теоретическое достоинство – это его попытка осмыслить фундаментальные истоки мирового финансово-экономического кризиса, выйдя «за пределы экономики». В принципе, наверное, можно сказать, что и «гипотеза эффективных рынков», и теория «реального делового цикла», и многие другие закономерности, описывающие механизмы функционирования экономики, имеют право на существование. Но почему они в какой-то момент теряют свою способность адекватно их описывать? И ещё – если все привычные закономерности функционирования экономик, по крайней мере, высокоразвитых экономик, рухнули, то в чём состоит глубинная причина этих идущих полным ходом аномальных экономических процессов и явлений?

Кругман выдвигает своё объяснение феномена рухнувших привычных закономерностей, хотя и не формулирует его в таких категориях – по сути, он трактует закономерности и аномалии развития экономической сферы общества как проекцию его социально-классовой дифференциации и отношений. В его собственной трактовке это объяснение звучит как более или менее установленная «связь между ростом неравенства и генезисом новой депрессии» [19, р. 89].

Мировой финансово-экономический кризис начала XXI века (так же как и экономический кризис 1929–1933 гг.) возник как следствие резко усилившегося социально-классового неравенства в американском обществе, которое стало резко нарастать с начала 1980-х годов. В американском обществе возник 1% самых богатых людей, и даже более того – 0,1% «сверхбогачей», которые и

^{*} Показательно, что историческим предшественником теории Ю. Фамы считается докторская диссертация французского математика Л. Бакели «Теория спекуляции», защищённая им ещё в 1900 г., в которой он впервые распространил модель стохастических процессов на сферу финансов [20].

стали менять правила экономических игр в масштабах всей экономики. И эти правила в самом общем смысле имели отношение к размерам и формам получения доходов и доступа к богатствам. Как указывает Кругман, «начальным и основным инструментом анализа являются спрос и предложение. Но **получатели наивысших доходов не живут в мире спроса и предложения**» [19, p. 78].

Применительно к трудовым доходам, определяющим жизнедеятельность и уровень жизни подавляющего большинства американцев, «учебники экономики дают объяснение, согласно которому в условиях конкурентного рынка каждый работающий получает доход согласно своему "предельному продукту", т.е. своему вкладу в общее производство. Но чем измеряется предельный продукт высших менеджеров корпораций, хедж-фондов или корпоративных юристов? Никто точно не знает. И если вы решитесь проанализировать, каким образом формируются доходы "сверхбогачей", то вы обнаружите процессы, которые практически не связаны с их экономическим вкладом» [19, p. 78]. Как установили американские исследователи Дж. Бакия, А. Коул и Б. Хейм, «доходы директоров и управляющих компаний, финансистов и профессионалов, связанных с наукоёмкими технологиями, которые входят в состав самого высшего 0,1% получателей доходов, чрезвычайно чувствительны к колебаниям котировок на фондовых рынках. Резкий рост доходов самых богатых людей в Америке объясняется такими факторами, как изменения цен на активы, торгуемые на фондовых рынках, смещение базы налогообложения с корпоративных на личные доходы, участие в управлении корпорациями и предпринимательство» [5]*.

Фактически, плутократическая верхушка американского общества живёт по «законам казино», а свои возможные потери от экономических игр компенсирует усилением своего политического влияния. Кругман не понаслышке знает о том, что «богатство даёт возможность доступа, а доступ обеспечивает личное влияние. Главные банкиры страны могут сравнительно быстро быть приняты в Белом доме или в кабинетах сенаторов, а простые люди с улицы лишены этой возможности. ...А уж если говорить про финансистов с Уолл-стрита, то они являются настоящими актёрами, и заговорят кого угодно». Поэтому гравитационное политическое влияние богатых становится ещё больше по мере того, как они богатеют всё больше и больше» [19, p. 87]. Растущее влияние плутократической верхушки общества оборачивается «уменьшением прогрессивности налогообложения, сокращением размера помощи беднейшим слоям, упадком государственного образования и многими другими явлениями подобного рода» [19, p. 89].

Все эти факторы и сформировали в настоящее время в США «дарвиновскую экономику», в которой экономические отношения пронизаны «радируемым сверху» социал-дарвинизмом (*выживают сильнейшие*), – плутократические слои потому и навязывают стоящему ниже среднему классу и социальным низам философию и идеи рыночного фундаментализма, поскольку они

* Если следовать логике современной экономической науки, которая относит сферу банковских услуг к производственной сфере и считает «товаром» любую перепродаваемую на финансовом рынке долговую расписку, то *работу высших менеджеров и юристов компаний можно оценивать, например, по сумме производимых ими новых долгов.*

заранее знают и уверены в их неконкурентоспособности в условиях растущей в обществе дифференциации по размерам получаемых богатств и доходов*.

Ещё немного на тему: «Америка — не Греция»

П. Кругман прекрасно осознаёт тот факт, что продолжение и даже нарастание кризисных явлений в американской экономике чревато серьёзными и непредсказуемыми идейно-политическими последствиями, и именно с этой точки зрения исход предстоящих президентских выборов имеет фундаментально важное значение не только для США, но и для всего остального мира. И прежде всего для Европы, к которой Кругман подходит не менее критично, чем к Америке. «Сопоставление Европы и США последние несколько лет напоминает соревнование двух инвалидов в том, кто из них хужеотреагирует на кризис» [19, р. 166].

Экономические преобразования в Европе всегда очень сложны, поскольку они всегда имеют огромный политический подтекст. На протяжении более 60 лет Европа была вовлечена в уникальный эксперимент по восстановлению разорённого войной континента с помощью экономической интеграции — в 1951 г. создан Европейский союз угля и стали, одной из главных целей которого было исключение войн между европейскими государствами. В частности, ликвидация ограничений свободной торговли должна была предотвратить враждебность между Францией и Германией, которая становилась невыгодной с экономической точки зрения [19, р. 167].

Кругман напоминает, что эта цель была достигнута. В 1957 г. уже шесть европейских стран учредили Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) — таможенный союз с едиными тарифами импорта и экспорта в другие страны и свободной торговлей между членами. В 1970-х годах к нему присоединились Великобритания, Ирландия и Дания; в 1980-х — Испания и Португалия. Европейские страны углубили свои экономические связи, гармонизировали экономическое регулирование, разрешили свободное передвижение рабочей силы.

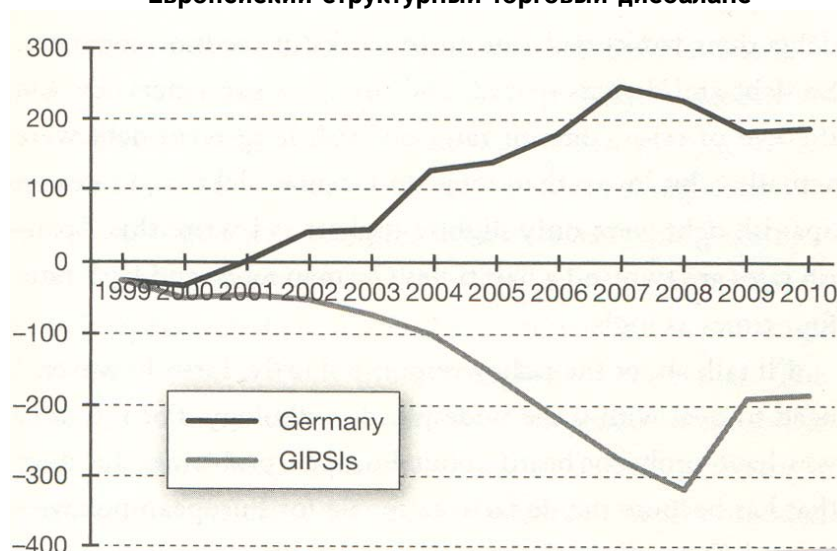
На каждой стадии выгода от углубления европейской экономической интеграции сопровождалась углублением интеграции политической, укреплением позиций ЕС в мире. В определённый момент тесная взаимосвязь экономики и политики породила у европейских политических элит уверенность в том, что создание такого мощного символа единства новой Европы, как единая валюта обязательно даст и экономический выигрыш; и в результате все предупреждения о возможных серьёзных экономических проблемах были просто отброшены [19, р. 168].

Введение в обиход евро снизило транзакционные издержки бизнеса, и упростило и снизило риски трансграничных инвестиций, особенно в страны южной Европы, где инвестиции считались рискованными, а норма процента была выше. С появлением евро государственные долги Испании, Италии и Греции стали вровень с долгом Германии, что резко снизило стоимость заимствования

* Это положение помогает понять глубинную логику рыночных реформ, которые проводились в России с начала 1990-х годов и суть которых сводилась к тому, чтобы резко усилить социальную дифференциацию в обществе, разделив его на «богатых» и «бедных». Надёжным показателем, объясняющим происходящие «экономические» процессы, следует считать коэффициент дифференциации доходов, который увеличился с 8,0 в начале 1990-х годов до 16,5 в 2011 году.

Схема 2

Европейский структурный торговый дисбаланс*



* Вертикальная шкала отражает суммарное сальдо торгового баланса в торговле Германии с Грецией, Ирландией, Португалией, Испанией и Италией (GIPSI); верхняя кривая — положительное сальдо Германии, нижняя — отрицательное сальдо стран GIPSI.

в странах южной Европы, стимулировало там развитие бизнеса [19, р. 174], а также быстрый рост заработной платы, который почти в 6 раз опережал динамику роста заработной платы в Германии. Однако очень скоро именно это сделало эти страны непривлекательными для инвестиций, а их продукцию неконкурентоспособной; что привело к бегству капиталов, чрезмерному импорту, торговому дефициту и долгам.

В своей книге Кругман приводит следующий график (см. схему 2), весьма красноречиво характеризующий накопившийся в Европе негативный потенциал структурных противоречий [19, р. 175].

Пользуясь либеральной финансовой политикой, греки, португальцы и другие сметливые европейцы держат свои деньги в Германии, где банки надёжнее, и управляют своими сбережениями издалека, с помощью технологий мобильного банкинга. В результате страны GIPSI, сталкиваясь с пустой государственной казной, просят дотаций от Брюсселя.

Конечно, «Америка — не Греция». Но может быть Грецию, как часть ЕС следует сравнить не с США в целом, а с их частью, например — с Калифорнией? Этот «богатейший» штат уже давно считается банкротом и систематически дотируется федеральным американским правительством; и это несмотря на колоссальный экономический потенциал (который и не снился Греции!). Здесь располагаются «фабрика грёз» Голливуд, самая инновационная в мире Силиконовая долина, мощнейшая высокотехнологическая оборонная промышленность, месторождения нефти, здесь сказочная природа (виноградарство), сюда стремятся туристы. Но сегодня, как и в Греции, здесь имеет место очень высокая неустойчивость факторов, определяющих относительную инвестиционную привлекательность региона. Однако в отличие от сметливых греков, чрезмерно сильно нажимающих на педали европейского «механизма чрезвычайно

го заимствования» (*Emergency Lending Assistance – ELA*)*, Калифорния опирается на существенно более совершенный механизм финансовой помощи федеральных властей.

Эти рассуждения подвели П. Кругмана к следующему важному выводу: *в Европе назревал свой финансовый коллапс*, и он случился бы независимо от кризиса, начавшегося в США. Тут-то и выяснилось, что *переход к единой валюте только усугубил европейские финансовые проблемы* [19, р. 176]. Европа осталась неоднородной («асимметричной»), интеграционная политика слишком сильно обогнала реальную экономику. Кроме того, как отмечает П. Кругман, появление *евро* сделало доходы европейцев слишком уязвимыми, создало механизм для одновременного относительного понижения их заработной платы.

Уже раздаются голоса, утверждающие, что стоящие перед рядом европейских стран тяжёлые проблемы растущих долгов, вероятнее всего, потребуют введения региональных ограничений на их суверенитет. Так, за прямую рекапитализацию европейских банков, минуя правительства стран, т.е. без автоматического наращивания государственных долгов, выступает глава МВФ К. Лагард. Подобно тому, как объявление банкротства компании влечёт её распродажу (смену собственника), объявление дефолта по государственным долгам должно приводить к введению внешнего управления или смены руководства государства, погрязшего в долгах.

Но допустить подобный «поворот событий» в отношении себя США не могут ни при каких обстоятельствах! Про Соединённые Штаты так думать просто запрещено! Независимо от размеров долга! В этом и состоит коренное отличие США от Греции: в отличие от Греции, они могут выйти из кризиса с помощью срочного и активного вмешательства федерального правительства, и это вопрос не столько экономический, сколько политический – вот, на наш взгляд, главный тезис Кругмана, который и побудил его написать эту книгу.

Список литературы

1. *Васильев В.С.* Конец эры академических экономистов. // США ♦ Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 6. С. 3–16; № 7. С. 3–22.
2. *Роговский Е.А., Васильев В.С.* 2012 г. в США: мобилизационная готовность // электронный научный журнал «Россия и Америка в XXI веке». 2012. № 1 (<http://www.rusus.ru/?act=read&id=314>).
3. *Васильев В.С., Роговский Е.А.* Глобальная экономика и фактор Гринспена. // США ♦ Канада: экономика, политика, культура». 2008. № 11. С. 88–102.
4. *Шлезингер А.* Циклы американской истории. М.: «Прогресс» и «Прогресс-Академия», 1992. 685 с.
5. *Bakija J., Cole A., Heim B.* Jobs and Income Growth of Top Earners and the Causes of Changing Income Inequality; Evidence from U.S. Tax Return Data. April 2012. 62 p. (<http://www.williams.edu/Economics>).
6. Bureau of the Public Debt. The Daily History of the Debt Results (<http://www.treasuryDirect>).
7. Current Labor Statistics // Monthly Labor Review. May 2012. P. 48–123.
8. Council of Economic Advisers. Shapiro C. The American Jobs Act: What Our Economy Needs Now. September 13, 2011. 25 p. (<http://www.cea.gov>).

* Абсолютное большинство греков, изымающих свои евро из греческих банков, даже не осознают, что они автоматически увеличивают государственный долг страны.

9. Economic Report of the President. February 2012. Washington: U.S. GPO, 2012. III + 446 p.
10. Executive Order 8248 of September 8, 1939. Establishing the Divisions of the Executive Office of the President and Defining Their Functions and Duties // Federal Register. 12.09.1939. 4 FR. P. 3864-3865.
11. Executive Order 13603 of March 16, 2012. National Defense Resources Preparedness // Federal Register. 22.03.2012. Vol. 77. No. 56. P. 16651-16660.
12. Federal Reserve Bank of St. Louis. 2011 Annual Report. President's Message. European Sovereign Debt Crisis: A Wake-up Call for the U.S. May 2012. 33 p. (<http://research.stlouisfed.org/econ/bullard>).
13. Fiscal Year 2013. Analytical Perspectives. Budget of the United States Government. Washington. GPO. 2012. xii + 493 p.
14. Fiscal Year 2013. Historical Tables. Budget of the U.S. Government. Washington: U.S. GPO, 2012. ii + 356 p.
15. *Fisher I.* The Debt-Deflation Theory of Great Depressions // *Econometrica*. 1933. No. 4. P. 337-357.
16. *Frank J.* Political Scientist: Republicans Most Conservative They've Been In 100 Years. 13.04.2012 (<http://www.npr.org>).
17. *Greenhouse S.* Mural of Maine's Workers Becomes Political Target // The New York Times. 23.03.2011.
18. IMF. Public Debt. World Economic Outlook Database, April 2012 (<http://www.imf.org>).
19. *Krugman P.* End This Depression Now! New York-London: W.W. Norton & Company, 2012. xii + 259 p.
20. Louis Bachelier on the Centenary of **THÉORIE DE LA SPÉCULATION** // *Mathematical Finance*. Vol. 10. No. 3 (July 2000). P. 341-353.
21. *Nakamura E., Steinsson J.* Fiscal Stimulus in a Monetary Union. NBER Working Paper 17391. September 2011. 49 p. (<http://www.nber.org/papers/w17391>).
22. President Obama and the Obama Administration. ABC News/Washington Post Poll. Do You Approve or Disapprove of the Way Obama Is Handling the Economy (<http://www.pollingreport.com>).
23. *Reinhart C., Reinhart V., Rogoff K.* Debt Overhangs: Past and Present. NBER Working Paper Series. Working Paper 18015. April 2012. 28 p. (<http://www.nber.org/papers/w18015>).
24. *Sommers D. and Franklin J.* Employment Outlook: 2010-2020. Overview of Projections to 2020 // *Monthly Labor Review*. January 2012. P. 3-20.
25. *Thomas E.* Prisoners of the White House // *Newsweek*. 1.05.2009.
26. U.S. Bureau of Economic Analysis. National Data. National Income and Product Accounts Tables. Interactive Data (<http://www.bea.gov>); Bureau of the Public Debt. The Daily History of the Debt Results (<http://www.treasuryDirect>).
27. U.S. Census Bureau. Statistical Abstract of the United States: 2012. Washington: GPO, 2012. XVII + 1004 p.
28. U.S. House of Representatives. Ruling in the Imperial Presidency of George W. Bush. Lessons and Recommendations Relating to the Presidency of George W. Bush. 13.01.2009. Washington. GPO, 2009. 486 p.
29. World of Work Report 2012. Better Jobs for a Better Economy. Geneva, ILO, 2012. xvii + 108 p.